

ЮРИЙ НОВОПОЛЬЦЕВ

ПАКЕТ ПАНДОРЫ

Катынский вопрос всерьёз разделил Польшу и Россию; раз за разом во время многочисленных телевизионных дискуссий приходится слушать одно и то же обвинение со стороны польских политиков – в расстреле их военнопленных в 1940 году. Не проходят контрпретензии – в массовом уничтожении пленных красноармейцев в 1920–1921 годах.

В Польше убеждены, что наши военнопленные сами умирали в огромных количествах в результате эпидемии различных болезней. Интересно, а что мешает нашей стране отклонить претензии по гибели польских офицеров, полицейских, жандармов и гражданских лиц? Какие доказательства вины НКВД имеются в рассматриваемом вопросе? По всей вероятности, наиболее весомыми следует считать документы из закрытого пакета № 1. То есть, “записку Берии от... марта 1940 года”, две выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта того же года и “записку Шелепина от 3 марта 1959 г.” Казалось бы, всё просто и убедительно, однако перечисленные документы вызывают огромное сомнение в научном мире по части их подлинности.

Первый аспект, способный вызвать удивление у любого непредвзятого читателя. Нарком внутренних дел сообщает: *“В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю...”*

Речь идёт об огромном количестве людей – 14736 человек, сосредоточенных в трёх лагерях для военнопленных, и 18632 заключённых тюрем западных областей Украинской и Белорусской ССР. Что примечательно, расстрелу нарком предлагает подвергнуть не всех “врагов”, а часть их – 14700 военнопленных из числа содержащихся в лагерях НКВД СССР и 11000 заключённых тюрем указанных областей. По этому поводу споры шли не раз и не два, а воз и ныне там.

Попробуем обратить внимание на другое обстоятельство: азбучной истиной является положение, что правоохранные органы любого государства обязаны не только карать, но и перевоспитывать провинившихся. Получается, что в 1939–1940 годах Наркомат внутренних дел не смог перетянуть на сторону СССР ни единого польского гражданина, попавшего в советский плен? Тем самым Л. П. Берия признал перед руководством страны собственную профессиональную непригодность как руководителя упомянутого ведомства, не так ли? А были ли у него основания для подобного самобичевания –

все ли польские военнопленные офицеры являлись “неискоренимыми врагами Советской власти”? Для начала вспомним хорошо известные нам имена Зигмунта Берлинга, Льва Букоемского и других, при помощи которых формировалось в годы Великой Отечественной войны Войско Польское. На тот момент упомянутые офицеры находились в Старобельском и Козельском лагерях военнопленных – их Берия тоже счёл врагами? Руководитель Наркомата внутренних дел должен был знакомиться с докладами Управления по делам военнопленных, из которых вырисовывалась несколько иная картина, чем в пресловутой “записке Берии” – уже в ноябре 1939 года отмечалась наметившаяся поляризация в рядах офицерства:

“Среди офицеров началось расслоение на кадровых и запасных, которые между собой имеют разные взгляды и отношения к войне и Советскому Союзу.

В Козельском лагере, например, многие офицеры открыто высказывают, что во главе польского правительства и главного командования стояла кучка проходимцев, которая не опиралась на массы (среднее офицерство).

“Правительство не заботилось о насыщении армии техникой, а только навело внешний блеск и заботилось о своём благополучии”. “По случаю крестин у генералов парад и банкет, приезд генерала в гарнизон – парад и банкет, одним словом, парады и банкеты без конца. Наша армия была построена на внешнем блеске”.

Предполагаемого автора записки должны были известить о словах, произнесённых полковником Ришардом Малиновским:

“Настроение офицеров подавленное. 20 лет мы строили Польшу и за 20 дней её потеряли. В Германию ехать не хочу и буду просить гостеприимства Советского Союза до окончания войны между Германией и Францией”.

Защитники разбираемого нами документа не помнят собственных произведений. Так, Н. С. Лебедева в книге “Катынь. Преступление против человечества” сообщает нам чрезвычайно интересные вещи:

“Члены Компартии Польши Р. Имах и С. Шиперский при активном участии поручика К. Дудзинского, подхорунжего Ф. Кукулинского, капитана К. Розен-Завадского и Т. Вихеркевича организовали в лагере “красный уголок”. Здесь были оформлены красочные пропагандистские стенды, собрана марксистская и агитационная литература, проводились собрания, читались доклады. УПВИ обратилось к начальнику отдела кадров Коминтерна П. В. Гуляеву с просьбой сообщить, значились ли членами польской компартии М. Зелинский, И. Кулаков, М. Живчик, С. Шиперский, Р. Имах, И. Вольский. Усиленно пропагандировал работы В. И. Ленина поручик Чечот”.

Невзирая на то, что речь ведётся о более позднем периоде времени – осени 1940 года – и об ином лагере – Грязовецком, все упомянутые в тексте офицеры на март 1940 года содержались в Козельском и Старобельском лагерях, то есть их тоже в “записке” именовали врагами и предлагали уничтожить. Впоследствии капитан Казимир Розен-Завадский и поручик Роман Имах будут обвинены контрразведкой генерала Андерса в просоветских взглядах и арестованы. Был арестован польской контрразведкой и подполковник Марианн Моравский, написавший в 1941 году:

“В этой новой освободительной войне против насилия немцев польский народ ищет друзей. Его глаза устремлены на Восток – к социалистической России, где он надеется найти себе мир, сочувственное отношение и поддержку в борьбе за сохранение существования”.

Тремя фамилиями список пострадавших от спецслужб генерала Андерса не исчерпывается, если судить по докладной записке комиссара Государственной безопасности Г. С. Жукова И. В. Сталину от 16 февраля 1944 года:

*“Государственный Комитет Оборона
тов. Сталину*

Генерал-майор Берлинг просил меня передать советскому правительству его личное ходатайство принять, если это возможно, через англичан соответствующие меры к облегчению положения арестованных генералом Андерсом в Палестине польских офицеров, в частности, тех, о которых сообщалось в советской прессе:

1. Розен-Завадского (а не Завадовского, как указано в сообщении ТАСС) Казимира Павловича, 1898 года рождения, уроженца гор. Варшавы, капитана танковых войск польской армии.

2. *Имаха* (а не *Иноша*) Романа Ульяновича, 1905 года рождения, уроженца гор. Сосновец Келецкого воеводства, капитана польской армии.

По мнению Берлинга, в числе арестованных генералом Андерсом польских офицеров должны находиться известные ему следующие лица:

1. Горчинский Евстафий, 1893 года рождения, поляк, б. офицер царской армии, полковник-сапёр польской армии.

2. Тышинский Леон Казимирович, 1896 года рождения, из дворян, подполковник-сапёр польской армии.

3. Дудзинский Казимир Адольфович, 1890 года рождения, уроженец Тернопольской области, подполковник польской армии.

4. Северский Януш Леопольдович, 1912 года рождения, уроженец гор. Злочев Львовской области, поручик пехоты польской армии.

5. Томалл Михаил Андреевич, 1909 года рождения, уроженец Львовской области, поручик пехоты польской армии.

6. Щиперский Станислав Янович, 1903 года рождения, уроженец Келецкого воеводства, подпоручик польской армии.

7. Шумигальский Владимир Станиславович, 1910 года рождения, уроженец Тернопольской области, поручик польской армии.

8. Кукулинский Франтишек Станиславович, 1915 года рождения, уроженец Краковского воеводства, подхорунжий польской армии.

9. Гадомский Роман, 1904 года рождения, уроженец Познанского воеводства, член компартии Польши с 1927 года, неоднократно сидел в польской тюрьме за революционную деятельность, подхорунжий польской армии.

По утверждению генерал-майора Берлинга, все эти лица во время пребывания в лагерях военнопленных и в армии Андерса занимали активную просоветскую линию.

Данные Берлинга о просоветском настроении этих лиц подтверждаются также имеющимися в НКГБ СССР материалами.

Гадомский был направлен в армию Андерса по линии быв. Коминтерна. Сообщаю на Ваше распоряжение.

Комиссар государственной безопасности
Г. Жуков”.

Если у органов государственной безопасности имелись материалы, отражающие просоветские взгляды упомянутых лиц, могли ли они не быть известными их руководителю?

Не следует забывать и об осведомителях, имевшихся во всех лагерях военнопленных. В приводимом ниже документе упомянуты псевдонимы 21 осведомителя Козельского лагеря. Письмо написано заместителю начальника Управления по делам военнопленных И. И. Хохлову начальником особого отдела Козельского лагеря старшим лейтенантом госбезопасности Эйльманом от 28 апреля 1940 года:

“... представляю личные дела с характеристиками на осведомителей из числа военнопленных, содержащихся в Козельском лагере: “Вальтер”, “Малый”, “Спортивный”, “Керч”, “Зух”, “Павлов”, “Тыгрис”, “Стрела”, “Пчела”, “Товарищ”, “Змеевский”, учётные дела которых были Вам переданы майором Госбезопасности тов. Зарубиным.

Одновременно представляю личные дела с характеристиками на осведомителей: “Енец”, “Виктор”, “Познанский”, “Вольский”, “В. Костровицкий”, “Линейный”, “Яблонский”, “Броницкий”, “Виленский” и “Юзеф”, которые были пропущены и не вложены в учётные дела во время отправки их в Управление по делам военнопленных...”¹.

Предложение уничтожения собственной агентуры носит откровенно абсурдный характер.

Другой момент: не всех антисоветчиков было разумно подвергать наказанию. Руководство Советского Союза стремилось отсрочить неизбежную войну против гитлеровской Германии; некоторая часть польских военнопленных была немецкого происхождения – их казнь могла бы осложнить советско-германские отношения. Если этого не понимал Берия, то Сталин и глава внешнеполитического наркомата СССР Молотов должны были обратить внимание на данный аспект, чего, однако, не произошло.

Третье обстоятельство: автор записки предлагает принятие очень серьёзных мер, но распространяются они лишь на большую часть контингентов трёх лагерей НКВД и заключённых тюрем западных областей Украины и Белоруссии – на этом всё. Вопрос: а по какой причине оказались забытыми польские

военные, находившиеся в начале весны 1940 года в Москве, Владимире, Киве и других городах? Генералы Андерс, Янушайтис, Боруто-Спехович, полковник Коц, подполковник Табидзе, майоры Кипияни, Михновский и др.? Неужели Берия забыл об их существовании? Подобная избирательность и перечеркнула попытки отыскания мотивов, которыми могло руководствоваться тогдашнее политическое руководство СССР и лица, возглавлявшие НКВД. Уничтожение польской элиты? Простите, а Боруто-Спехович и Янушайтис к ней не относились? Месть за 1920 год? Во-первых, почему с таким запозданием; почему её не осуществили осенью 1939 года? Во-вторых, Андерс в 1920-м играл определённую роль – почему ему не припомнили участия в тех событиях? Нет, никакой логики в предложении расправы с избранными поляками не наблюдается.

С момента публикации “записки Берии” её критиков заметно смущает и ещё одно обстоятельство – как-то уж чересчур странно сведены военнопленные различных званий в одну графу: генералы с полковниками и подполковниками, майоры с капитанами и т. д.

Что за охота такая напала на шефа НКВД к суммированию, не вполне ясно, и нам это выяснить не удастся; зато мы можем проверить верность цифр, указанных в записке. Для начала используем справки УПВ об офицерах, полицейских и жандармах, ксёндзах, помещиках, государственных чиновниках, осадниках, торговцах, содержащихся в лагерях НКВД. Следует иметь в виду, что упомянутых справок было написано руководителем УПВ П. К. Сопруненко по две; первые оказались забракованы из-за того, что начальник Осташковского лагеря П. Ф. Борисовец в своей сводке смешал офицеров армии и полиции и жандармерии, указав их общее количество. Итак, графа первая: *“Генералов, полковников и подполковников – 295”*.

Согласно справкам об офицерах, в лагерях содержались 1 адмирал, 12 генералов, 82 полковника и 200 подполковников (в первой из них указан даже 201 подполковник); сумма 295 у нас получится лишь в том случае, если будет учтен и адмирал, о котором в графе записки нет упоминания.

“Майоров и капитанов – 2080”.

Согласно “контрольной справке” от 3 марта 1940 года в лагерях НКВД насчитывалось 555 майоров и 1507 капитанов; нетрудно установить, что общее число у нас получится совершенно иное – 2062 человека. В чём же дело? Не иначе, остряк Лаврентий Павлович надумал свести в одной графе майоров не только с капитанами, но и капитанами Морфлота, каковых в “контрольной справке” указано 13 человек – но нам ведь не хватает ещё пятерых! Делать нечего: учтём трёх капитанов второго ранга и двух капитанов первого ранга в соответствии с данными указанного документа².

Таким образом мы получим необходимую нам сумму – 2080 человек, но зададимся вопросом: каким армейским чином соответствуют морские звания капитанов первого и второго рангов? Капитан второго ранга тождествен армейскому подполковнику, а капитан первого ранга – полковнику. Логичнее эти пять человек было переместить в первую графу – к генералам. Неужели Берия не понимал этого обстоятельства?

Движемся дальше: *“Поручиков, подпоручиков и хорунжих – 6049”*.

Вновь незадача. Налицо совпадение численных данных с “контрольной справкой об офицерах”. Но у нас появляются вопросы уже к обоим справкам: почему в них отражены данные поручиков, подпоручиков, хорунжих и подхорунжих, однако подхорунжие не упомянуты? И как было с ними поступить, если в тексте они не упомянуты, но без них число 6049 человек офицеров и лиц, к ним приравненных, никак не получается?

Выясняем разницу в количестве офицеров, отражённых во второй и первой справках; в первой указано 8376 человек, а во второй – 8424. Следовательно, в Осташковском лагере содержались 48 армейских офицеров, в первой сводке по состоянию на конец февраля 1940 года указанных вместе с офицерами полиции, жандармерии и погранвойск³. Именно на это число должно уменьшиться количество офицеров полиции, жандармерии и пограничных войск на начало марта того же года.

“Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии – 1030”.

Офицеров смешали с младшими командирами, но, думается, это не мешает нам – в “контрольной справке о полицейских и жандармах, содержащихся в лагерях НКВД для военнопленных” обозначены следующие цифры:

“Офицеров полиции и жандармерии – 250 чел.”, “Мл. комсостава полиции и жандармерии – 780”⁴.

250 и 780 действительно в сумме составят 1030. Но нас больше интересует другое: а что в первой справке “О полицейских и жандармах...”? А вот в ней количество офицеров полиции и жандармерии указано 282 человека, численность младших командиров не изменилась⁵. То есть уменьшение численности офицеров полиции и жандармерии состоялось, но лишь на 32 человека! Что бы это означало? В Осташковский лагерь внезапно была привезена партия из 16 военнопленных, носящих офицерские звания полиции и жандармерии? Откуда и куда они подевались впоследствии, ведь уже в сводке УПВ от 16 марта 1940 года от них не осталось и следа⁶? Возможно, начальник лагеря часть армейских офицеров объединял с младшим командным составом полиции и жандармерии, если речь шла о подхорунжих? Но ведь численность младших командиров не поменялась! А что у нас с рядовыми полицейскими и жандармами?

“Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков – 5138”.

Кто же объединяет разведчиков с полицией? Весьма странное решение. Какие данные указаны в “контрольной справке о полицейских и жандармах”?

“Рядовых полицейских и жандармов-5016

Тюремщиков-114

Разведчиков и провокаторов-8”.

Как видим, из “записки Берии” исчезло слово “провокаторы”, но это ещё не всё: согласно первой “справке о полицейских и жандармах” рядовых полицейских и жандармов насчитывалось 5008 человек. Получается, что помимо 16-ти новых офицеров полиции в Осташковский лагерь прибыли к 1 марта 1940 года и 8 новых рядовых полицейских (или жандармов, не суть важно). Точно так же, как и старшие по званию, они таинственно исчезли к середине указанного месяца. Защитникам “записки Берии” вместо клятвенных уверений в подлинности разбираемого документа стоит отыскать фамилии “странных военнопленных”, которые, к тому же, вероятнее всего, даже не были зарегистрированы лагерным руководством, так как учётный номер 7779 принадлежит Друту Андрею Людвиговичу, обозначенному в предписании на отправку в Калинин из лагеря за № 050/3 п. 58, а в Осташков он прибыл из Криворожского лагеря⁷; время же прибытия данного этапа из 6-ти человек – 17 февраля 1940 года⁸. А вот следующий учётный номер (7780) – у Гонсура Валентина Викторовича, отправленного в Калинин по предписанию 058/4 п. 50, который был принят в Осташковский лагерь 3 марта того же года⁹. На “контрольной же справке” чётко обозначено, что составлена она по состоянию на 1 марта указанного года. И вообще – то вторая справка “о полицейских и жандармах” должна была зафиксировать не увеличение численности упомянутого контингента, а уменьшение, так как именно 1 марта скончался старший полицейский Гибчинский Станислав Михайлович, 1894 года рождения¹⁰. Да, разобраться со статистикой, касающейся полицейских и жандармов, нам не удастся. Вновь вернёмся к нашей записке:

“Чиновников, помещиков, ксёндзов и осадников – 144”.

Перед нами – последняя из справок, составленных для Л. П. Берии: на ксёндзов, помещиков, крупных государственных чиновников, осадников, торговцев; в ней обозначены следующие цифры:

“Ксёндзов – 24, помещиков – 11, крупных государственных чиновников – 71, осадников – 35, торговцев и крупных собственников – 3”¹¹.

Можно убедиться самостоятельно: в “записке Берии” численность торговцев и крупных собственников включена в сумму “144”, но упоминания в тексте о них не содержится. Ещё замечание: до марта 1940 года начальник УПВ П. К. Сопруненко в сводках не смешивал крупных государственных чиновников и судебных работников – первых насчитывалось 66, вторых – 5 человек¹². Заметьте, раз за разом у нас возникают вопросы не только к “записке Берии”, но и к “справкам УПВ”, следовательно, целесообразно продолжить проверку количественных данных из “справок” при помощи сводок того же Управления по делам военнопленных и документов лагерей для военнопленных. По генералам и полковникам данные отражены в “справках” верно, вопросов не имеется, но вот подполковники удивляют. В первой из справок об офицерах их численность указана по данным, полученным из двух лагерей, сбоку имеется запись, сделанная карандашом: “Староб. – на 27/II-40 г. Козельск – 26/II-40 г.”¹³.

На 22 февраля 1940 года в Старобельском лагере содержалось 127 подполковников, в Козельском — 73¹⁴. На начало марта в Козельском лагере ситуация не изменилась, Старобельский же лагерь лишился сразу двух подполковников: 22 февраля начальник Старобельского лагеря А. Г. Бережков отчитался об отправке из лагеря в Ворошиловград подполковника Октавеца¹⁵, а тремя днями позже в Старобельской межрайбольнице скончался подполковник Калиновский¹⁶. Подведём итог: на конец февраля 1940 года подполковников содержалось в двух лагерях 198, “справка же об офицерах” предоставляет в наше распоряжение совершенно иные данные — 201! “Контрольная справка” исключает одного из подполковников, их становится 200 — всё равно больше на 2 человека, чем было в реальности.

Проверим ещё данные по майорам: на 22 февраля в Старобельском лагере содержалось 316 майоров, в Козельском — 232. Сумма — 548. За неделю численные данные не менялись, “справка об офицерах” сообщает нам, что майоров в лагерях НКВД — 551 человек, “контрольная справка” увеличивает их количество на 4! Произошло ли увеличение на 4 человека за счёт статистики Осташковского лагеря, сказать сложно, поскольку начальник указанного лагеря П. Ф. Борисовец предпочитал указывать армейских офицеров одной строкой, без расшифровки их званий. Единственный раз он это сделал при пересылке численных данных для “контрольной справки”. В полном недоумении завершаем мы разбор этих документов.

Не меньше, чем с численностью контингента, указанного в записке, проблем возникает при определении её даты — “...марта 1940 г.” нас полностью устроить не может. С обсуждаемым нами документом творились прямо-таки чудеса: записка имеет регистрационный номер 794/б; как выяснилось, письма Сталину за № 793/б и 795/б датированы одинаково: 29 февраля 1940 года. В таком случае, почему “записка Берии” указывает март? По логике событий, и она должна датироваться 29 февраля. В ответ на вполне резонное замечание нам рассказывают фантастическую историю: будто бы Берия большую часть записки составил 29 февраля, зарегистрировал её, а затем забрал для доработки — он ожидал получения уже известных нам справок (знал бы он, какого качества будут эти справки...) Что же, ясно многое, но кто объяснит: к чему Лаврентию Павловичу была именно февральская регистрация записки? На данный вопрос ответа всё равно не последует, а потому предлагается двигаться дальше. Нарком внутренних дел получил справки 2 и 3 марта, следовательно, свой эпохальный документ он должен был отправить 3-го числа — пауза и так затянулась. Но имеется один нюанс: 5 марта 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), обсудившее, как нам сообщают, саму “записку” и принявшее решение о создании судебной “тройки” в составе двух заместителей наркома внутренних дел — В. Н. Меркулова и Б. З. Кобулова, а также начальника 1-го Спецотдела НКВД Л. Ф. Баштакова. Должность последнего указана и в самой записке, и в выписке из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б). А теперь рассмотрим один крайне любопытный документ:

“В. срочно.

Первый Специальный Отдел НКВД СССР.

г. Москва

4 марта 1940 г.

№ 091.

Служебная записка.

Нач. управления военнопленных НКВД

Майору Госбезопасности тов. Сопруненко.

По приказанию Зам. Наркома Внутренних Дел, комиссара Государственной Безопасности тов. Меркулова просим дать телефонное распоряжение Нач. Осташковского лагеря военнопленных об этапировании в гор. Москву в распоряжение 3-го отдела ГУГБ НКВД — Шинкман Феликса Абрамовича, 1899 г. рожд., уроженца г. Варшавы.

Зам. Нач. 1 спецотдела НКВД

Капитан Госбезопасности: Баштаков.

Зам. нач. 3 отделения

Лейтенант Госбезопасности Сашенков¹⁷.

Вывод неумолим: ни 3, ни 4 марта записка завершена и отправлена по адресу не была, ввиду того обстоятельства, что 4 марта 1940 года Л. Ф. Баштаков находился на другой должности. Совершенно неясно: а чем объяснялась очередная задержка с доработкой “записки Берии”? И какой смысл был в ожидании справок, если военнопленные постоянно перемещались с одного места на другое, и статистика менялась? Так, 2 марта того же года 10 ксёндзов выехали из Старобельского лагеря в Москву¹⁸. Иначе говоря, “справка о ксёндзах, помещиках, крупных государственных чиновниках...” обесценилась, поскольку её данные устарели и ксёндзов на момент принятия решения Политбюро содержалось в лагерях НКВД на 10 человек меньше. Последний вопрос по данному моменту: не многовато ли событий выпало на 5 марта 1940 года? Завершено написание записки её автором, Политбюро её обсуждает и принимает решение, Баштаков получает и новую должность, и место в “спецтройке”...

Лучший способ проверки документа на предмет подлинности – сопоставление сведений, изложенных в нём, с реальными событиями. Постепенно мы перемещаемся от “записки Берии” к “выпискам из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б)”. Политбюро без единого возражения 5 марта 1940 года приняло более чем странный план действий наркома внутренних дел, постановив:

“Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения – в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных – по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц арестованных – по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе тт. Меркулова, Кабулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР”).

Была установлена для “спецтройки” и контрольная цифра лиц, подлежащих расстрелу (14700 чел.), о которых говорилось в “записке Берии”. Но то были планы (если не подвергать сомнению документ), а каковы оказались реалии? Без сомнения, какое-то решение по польским военнопленным принято было, но то ли, что изложено в “выписке”? Если то самое, остаётся удивляться, как бесцеремонно в НКВД принялись его нарушать. Во-первых, работники Наркомата внутренних дел взялись за сортировку военнопленных, и части контингента лагерей была предназначена транспортировка в Юхновский лагерь. Во-вторых, как и следовало ожидать, в дело вступило германское посольство, неоднократно отправлявшие запросы УПВ на предмет освобождения из плена лиц германской национальности, проходивших службу в польских армии или полиции. В-третьих, начались совершенно непонятные поездки военнопленных – 9 марта 1940 года из Козельского лагеря в Осташковский отправились двое: Марианн Гавяк и Юлиан Вонсовский¹⁹. Остаётся лишь развести руками: военнопленных Козельского лагеря почти всех вроде бы ожидала верная смерть, контингент Осташковского ожидало то же самое, тогда зачем понадобилась эта перевозка? Почему им следовало погибнуть в Калинин, а не в Смоленске? Правда, к перечисленным в “записке” категориям они не относились, но, с другой стороны, ни рядовыми, ни младшими командирами они также не были; как было поступать с теми, кто вовсе не служил ни в армии, ни в полиции или жандармерии, и “записка”, и “постановление Политбюро” промолчали. Вонсовского, к слову, отправили по предписанию 062/2 п. 51, как считают защитники документов из “закрытого пакета”, на расстрел. Пример этот далеко не единственный: 9 из 10 ксёндзов, 2 марта 1940 года вывезенных из Старобельского лагеря в Москву, в марте-апреле того же года транспортировали в Козельский лагерь²⁰. Если им уготована была смертная казнь, почему её не осуществили в столице? Точно такой же вопрос зададим и в отношении ещё двоих, также прибывших в апреле 1940 года из Москвы в Козельский лагерь; ими были капитан Георгий Шидловский и рядовой Людвиг Навроцкий²¹.

Вспомним, что Политбюро очертило круг тех, кого должны были подвергнуть жуткой расправе: по предложению наркома внутренних дел, казнить должны были лишь тех, кто находился в трёх специальных лагерях и тюрьмах

западных областей Украины и Белоруссии. Шидловский же с Навроцким находились на момент принятия решения в Бутырской тюрьме, то есть суровое решение их не касалось ни в коей мере. Тем более, что Навроцкий был все-го-навсего рядовым...

Самый, пожалуй, удивительный пример касается судьбы Юзефа Каминского: в феврале 1940 года его из Осташковского лагеря отправили в Чернигов по подозрению в службе в разведотделе польского Генштаба²². С Юзефом Каминским вышла промашка: его перепутали с однофамильцем и тёткой, последнего уже давным-давно передали Германии²³. Разобравшись в ситуации, Управление по делам военнопленных вернуло Каминского в Осташковский лагерь в мае 1940 года, когда “разгрузка лагерей” входила в завершающую фазу²⁴. Согласно версии расстрела польских военнопленных войсками НКВД, принято считать, что в Киеве их расстреляли не одну тысячу; Юзефа Каминского также зачислили в расстрелянные в мае месяце указанного года – с какой целью его везли из Чернигова не в Киев, до которого было рукой подать, а в далёкий Калинин?

Совершенно не считаясь с “решением Политбюро ЦК ВКП(б)”, работники НКВД принялись свозить в Осташковский, Козельский и Старобельский лагеря военнопленных, находившихся на момент принятия решения в лагерях Наркомата чёрной металлургии, Ровенском и Шепетовском лагерях. То есть тех, чью участь 5 марта 1940 года не рассматривали. Так, в Козельский лагерь в конце апреля 1940 года доставили из Ровенского пятерых офицеров²⁵; десятерых полицейских из того же Ровно привезли 27 апреля того же года в Осташков²⁶. Туда же доставили двоих полицейских из Елено-Каракубского лагеря тремя днями позже²⁷. Двое полицейских проходили лечение в Смоленской психиатрической больнице; если их так желали расстрелять, то до смоленской тюрьмы их можно было доставить пешком, до зловещего катынского леса было чуть подальше... Но нет, 27 апреля они тоже пожаловали в Осташковский лагерь²⁸. Из шепетовской больницы доставили также двоих полицейских – Людвиг Маловейского и Станислава Сцибура (так в документе, верное написание – Цибура)²⁹. Уже в наши дни, во время раскопок во Владимире-Волынском могил жертв узников местной тюрьмы, в одной из них внезапно были обнаружены опознавательные жетоны военнопленных Осташковского лагеря: Людвиг Маловейского и Юзефа Кулиговского. Расстреляны они оказались из немецкого оружия немецкими пулями 1941 года производства. То есть они были казнены тогда, когда, по версии расстрела военнопленных войсками НКВД, они уже год были мертвы и покоились в Калининской области. Общественность удивилась, но ей была предложена ещё одна фантастическая гипотеза: будто Маловейский свой жетон забыл в больнице, кто-то его присвоил и был расстрелян вместе с чужим опознавательным знаком. В отношении Кулиговского сказано не было ничего, заслуживающего внимания. История с “потерянным жетоном” Людвиг Маловейского построена на песке: кто был этот “похититель чужого знака”? Полицейский? По какой причине он не был транспортирован вместе с Маловейским? Продолжал лечение? В таком случае, почему его не перевезли по выздоровлению, допустим, в мае? Свой личный жетон он потерял или у него отныне имелось два опознавательных знака? Или жетон оказался у гражданского лица? Этот человек не понимал, что бездумное присвоение чужого имущества может навлечь на него неприятности? Что было бы, если бы работники НКВД заинтересовались, откуда у их подопечного данный знак и не служил ли он, часом, в полиции?

Если Политбюро “распорядилось подвергнуть казни” из числа военнослужащих лишь офицеров, то “спецтройка” не сочла нужным последовать и этому совету – в списках казнённых хватает и капралов, и вахмистров, и даже рядовых. То есть, с одной стороны, часть контингента вывели из-под удара, но, с другой стороны, обрушили его на головы других...

“Выписка из протокола заседания Политбюро” предписывала вершить суд и расправу над военнопленными без вызова последних и предъявления им обвинения. При таком варианте и допросов подсудимых быть не могло; а как было в реальности? 9 марта 1940 года из Козельского лагеря убил полковник Любодзецкий, доставленный в Киевскую тюрьму. В книге “Тайна Катыни” В. Н. Швед опубликовал несколько документов по делу Станислава Любодзецкого, среди них имеются два протокола допроса обвиняемого и обвинительное заключение по делу (а его также быть не должно). Двигаемся дальше:

вместе с Любодзецким в Киев доставили капитана Лихновского. 26 апреля из Киева в УПВ сообщили о Леопольде Лихновском:

*“Свою причастность к бывш. польским разведывательным органам отрицает...”*³⁰.

Иными словами, и украинские органы безопасности проигнорировали решение Политбюро и вердикт по делу капитана Лихновского принимали не тем способом, что был предначертан в выписке.

В тот же день, 9 марта 1940 года из Козельского же лагеря в Смоленск были доставлены 11 человек, причисленных к разведчикам и провокаторам. Хотя и нацистский пособник Юзеф Мацкевич в своей книге “Катынь” утверждает, будто их всех казнили в марте того же года, но вплоть до 20 апреля того же года УНКВД по Смоленской области вело переписку с УПВ, регулярно сообщая о ходе следствия по делу 11 военнопленных³¹. Если следствие оказалось достаточно продолжительным (о его окончании было сообщено 25 марта упомянутого года), могло ли оно обойтись без допросов обвиняемых? Интересно, хоть какой-то “завет партийного руководства”, обозначенный в решении от 5 марта 1940 года, в НКВД не нарушили?

Особую важность, пожалуй, представляет сама процедура “вынесения смертного приговора” военнопленным – описание её составлено весьма категорично. Защитники документов из “Закрытого пакета № 1” поясняют нам приблизительно следующее: для начала в лагере, в котором содержался военнопленный, должны были составить справку. В ней лагерное начальство заполняло три графы: фамилию, имя военнопленного, дату и место рождения, социальное и семейное положение; наконец, должность и воинское звание. По завершении заполнения справки её отсылали в Управление по делам военнопленных, которое вносило запись в последнюю графу “заключение” с рекомендацией, каким образом следует поступить с военнопленным. Подписав документ, отправляли его вместе с учётным делом военнопленного в 1-й спецотдел. Там составляли протокол для “судебной тройки”, та просто подписывала его, по-видимому, даже не вникая в детали. Протокол заседания возвращался в 1-й спецотдел, принимавшийся за составление списков-предписаний (фактически расстрельных). Предписания передавались УПВ, в Управлении заверяли предписания подписью – и они отправлялись в лагерь. Имена тех немногих, которым была уготовлена участь отправки в Юхновский лагерь, по указанию председателя “тройки” В. Н. Меркулова просто не вносились спецотделом в протоколы. Решения о приостановке или даже отмене приговоров принимались тем же Меркуловым, возможно, после консультации с Л. П. Берией или даже Сталиным. Помимо лагерей, списки-предписания высылались и УНКВД Смоленской, Калининской и Харьковской областей, которые должны были обеспечивать приведение приговора в исполнение.

А теперь – вопросы, которые не могут не возникнуть у внимательного читателя. Для начала – почему военнопленных Старобельского лагеря Ворошиловградской области отвозили за её пределы, в соседнюю область? Впрочем, этот вопрос выходит за рамки нашей темы. Каким образом справки на военнопленных оказались составлены даже на тех лиц, на которых они составляться были не должны? В частности, в Осташковском лагере в предписания на отправку из лагеря оказались занесены военнопленные, скончавшиеся до 5 марта 1940 года. Таковых насчитывается трое: в наряде 012/1, под пунктом 10 значится Станислав Гибчинский, ушедший из жизни 1 марта 1940 года³². В предписании 037/3 пункт 36 отдан Граносу Яну Степановичу – между тем Гранаса (так верно) не стало ещё 26 февраля того же года³³. Все рекорды побил предписание 023/4 благодаря своему пункту 71, в коем значился Фичко Александр Николаевич. Всё дело в том, что Фичко скончался более чем за два месяца до составления списка-предписания – 3 февраля 1940 года³⁴. Если предположить, что начальник Осташковского лагеря проявил служебное рвение и переусердствовал, то такое предположение окажется ложным: в самом конце “разгрузки лагеря” П. Ф. Борисовец отправил в УПВ список оставшихся в лагере на тот момент (вторая декада мая 1940 года); в нём карандашом оказались отмечены те, на кого начальник лагеря справку не отправил. Таковых оказалась треть военнопленных – 14 человек. К чему майор Борисовец готовил справки на тех, кто был неподсуден, и медлил с приготовлением справок на живых? Спорная ситуация в другом лагере – Старобельском. В отчёте о полученных из УПВ нарядах на отправку

военнопленных и самой отправке начальник Старобельского лагеря А. Г. Бережков сообщает:

“В присланных списках значатся Мажец Эдвард и Боксер Эдвард, исключённые нами по строевой записке как выбывшие на излечение в больницы г. Харькова”³⁵.

Возможно следующее объяснение: 22 апреля 1940 года от заместителя начальника УПВ И. И. Хохлова прибыло распоряжение начальникам Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей немедленно выслать на военнопленных, находящихся в лагерных стационарах и городских больницах, их учётные дела и справки на данных лиц с указанием больницы, в которой военнопленный находится, и состояния его здоровья. Всё так, но одно дело — проходившие лечение в Старобельской межрайбольнице, а совершенно другое — находящиеся на немалом удалении от лагеря — более чем в 200 км. Каким образом Бережков мог узнать о состоянии здоровья Мажеца и Боксера? Переписка с больницами отнимет немало времени и не позволит выполнить приказ о незамедлительной высылке учётных дел. Обращает на себя внимание фраза *“...исключённые нами по строевой записке...”*

Означает это, вероятнее всего, что никаких справок А. Г. Бережков на данных военнопленных не составлял. Спора нет: справки на военнопленных были необходимы, но огромные сомнения вызывает предположение, что решение по военнопленным принималось по изготовленным на них справкам. Каким образом принимались, в таком случае, решения об отмене или отсрочке вынесенных приговоров? По году или месту рождения? По именам и фамилиям? По воинским званиям? Может быть, Комиссия, решавшая участь военнопленных, изучала и их личные дела?

Обращает на себя внимание и наличие немалого количества случаев, когда военнопленным якобы выносился расстрельный приговор, а затем отменялся. Самый известный подобный случай произошёл с военнопленным Козельского лагеря Святославом Свяневичем: его уже 29 апреля 1940 года везли этапом, но сняли с него и после нескольких дней содержания в смоленской тюрьме доставили в тюрьму же, но Бутырскую. Ситуация со Свяневичем не может не изумлять — кто осмелился отменить якобы расстрельный приговор? Кстати, не вполне понятно: известны две записки заместителя начальника 1-го спецотдела А. Я. Герцовского в адрес заместителя начальника УПВ И. И. Хохлова. В первой из них Герцовский просит отдать распоряжение о задержке этапирования военнопленного Козельского лагеря Святослава Свяневича в город Смоленск и военнопленного Осташковского лагеря Михаила Ромма в город Калинин³⁶. Вот так — одним махом, отменить сразу два “расстрельных приговора”. Во второй же записке А. Я. Герцовский упоминает лишь Свяневича и ссылается уже на распоряжение наркома Л. П. Берии³⁷. Странных моментов, которых защитники “расстрельной версии 1940 года” не хотят замечать, два: почему, если в деле оказались замешанными две столь влиятельные особы, как нарком внутренних дел и его заместитель, они не предпочли действовать напрямую, то есть лично отдать распоряжения, минуя стадию Управления по делам военнопленных? Возможно, не хотели действовать в обход упомянутой инстанции, отвечавшей за работу с военнопленными? Но ведь промедление, согласно “расстрельной гипотезе”, могло бы обернуться провалом всей акции — Свяневича и Ромма просто бы расстреляли, на этом и была бы поставлена точка.

А не потому ли, что операция по “разгрузке лагерей военнопленных” была на самом деле поручена не некоей “спецтройке”, а Управлению по делам военнопленных?

Второй момент: расстрельный приговор — вещь серьёзная; уж если его вынесла “спецтройка”, то отменить его не могли ни Берия, ни Меркулов. Первый из них вообще был выведен, согласно решению Политбюро от 5 марта 1940 года, за рамки операции по “разгрузке лагерей” и не имел к ней ни малейшего отношения (если принимать на веру документы из “Закрытого пакета № 1); второй же, конечно, “спецтройку” возглавлял, но и он не должен был отменять решение трёх человек: В. Н. Меркулов — фигура значимая, но не такая значимая, как В. Н. Меркулов, Б. З. Кобулов и Л. Ф. Баштаков, вместе взятые. Не потому ли так легко отменили сразу два расстрельных приговора, презрев все правила, что их на самом деле не было?

Полезно было бы узнать, как сложились судьбы тех, кого сняли с этапов. Михаил Ромм (двоюродный брат известного режиссёра) был доставлен

в Юхновский лагерь военнопленных, а Свяневича судили по обвинению в шпионаже (и его допрашивали и предъявили затем обвинительное заключение) и вынесли ему приговор – 8 лет лагерей. Так что 22 июня 1941 года он встретил на севере СССР. Впоследствии Свяневича амнистировали. Обвинение ему предъявили более чем серьёзное – почему же не расстреляли? Неужели Свяневича снимали с этапа, везшего его на расстрел, только затем, чтобы отправить затем на Север исправлять собственную вину неустанным трудом? Товарищей же его по этапу вроде как расстреляли. При этом никого из них в шпионаже не обвиняли. Логичными действия сотрудников органов внутренних дел выглядели бы в том случае, если бы Свяневича наказали не мягче, чем его соратников по этапу, а строже, – может, так оно и было?

А однажды военнопленного везли в УНКВД (якобы на смертную казнь), но уже дорогой в отношении него был изменён приказ об этапировании, и военнопленного присоединили к группе лиц, следовавших в Юхновский лагерь. Тех, кого везли якобы на смертную казнь, и тех, кого ожидала иная участь – пребывание в Юхновском лагере, везли, получается одним поездом, и скорее всего, если взять во внимание численность групп (в Харьков – 2 человека, в Юхнов – 15, в Москву – 3), находились они в одном вагоне – где такое видано? Речь идёт о военнопленном Старобельского лагеря Андже Булгаке. После метаморфозы, произошедшей с ним, получается, что в Харьков этапом от 12 мая 1940 года доставили всего одного человека.

Впрочем, случай с Анджеем Булгаком не самый удивительный. Трудно-объяснимая история случилась в Осташковском лагере: 20 мая того же года начальник упомянутого лагеря получил от начальника УПВ П. К. Сопруненко шифротелеграмму:

“Военнопленного Панасюк Михаила Ивановича 1905 года отправьте Калинин распоряжение УНКВД согласно наряда 062/2 от 19 мая, порядковый 14. Вместо Панасюка подлежит отправлению Юхновский лагерь Жим Эмиль Михайлович 1899 года.

Исполнение донесите.

20/V-40

4959”³⁸.

Руководство Юхновского лагеря, вероятно, не без некоторого удивления отпартовало пятью днями позже:

“Сов. секретно

Капитану Госбезопасности тов. Сопруненко

г. Москва

25 мая 1940

№ 435. Во исполнение Вашего № 25.4048 двенадцать военнопленных прибыли 25 мая с. г. из Осташковского лагеря НКВД – Юхновским лагерем приняты.

Одновременно доношу, что вместо значащегося в Вашем списке Панасюк Михаила Ивановича прибыл Жим Эмиль Михайлович 1899 г. рождения”³⁹.

Согласно версии сторонников подлинности разбираемых документов, распоряжение направить Панасюка в Юхновский лагерь было принято “спецтройкой”, прежде всего, Меркуловым. Но тогда кем данный военнопленный был включён в так называемые расстрельные списки? Тоже Меркуловым? Заметим, что П. К. Сопруненко даже не счёл необходимым сослаться на полученное от него указание.

А однажды польскому военнопленному удалось, будучи дважды приговорённым к смертной казни, дважды от неё уйти. Разумеется, такой вывод напрашивается лишь в случае использования модели действий органов внутренних дел, предложенной сторонниками нацистской версии. Речь идёт о капитане Януше Макарчинском. В конце марта 1940 года он был транспортирован в Москву в распоряжение 2-го отдела ГУГБ. Тем не менее, его включили в так называемый “расстрельный список” 014, пункт 55. Исполнен расстрел отчего-то не был, вместо этого Военная Коллегия Верховного Суда СССР в октябре того же года вынесла Макарчинскому смертный приговор по обвинению в шпионаже. Однако Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам, перечеркнув решение того же Политбюро (если оно не вымысел, разумеется), сочло возможным помиловать Макарчинского, заменив смертную казнь 15 годами

лагерей⁴⁰, после чего капитан польской армии стал напоминать сказочного героя, ото всех ушедшего...

Вообще различные отделы ГУГБ НКВД вносили серьёзные коррективы в проводимую операцию по “разгрузке лагерей”, но при этом, решая вопросы, касавшиеся военнопленных, заинтересовавших отделы ГУГБ, обращались не к В. Н. Меркулову.

“НКВД СССР

*Главное Управление Государственной Безопасности
5-й отдел.*

гор. Москва. 7 апреля 1940 года.

Служебная записка.

Зам. Нач. 1-го спецотдела НКВД

Капитану Гос. Безопасности

тов. Герцовскому.

Прошу Вас в дополнение ранее посланных следующих военнопленных, находящихся в Козельском лагере НКВД, оставить в лагере для оперативных мероприятий 5 отдела ГУГБ НКВД СССР.

1 Любомирского Яна Губертовича, 1913 г. рожд.

2. Сеницкого Стефана Стефановича.

3. Казмирчака Казимира Валентиновича.

4. Соколовского Мечислава Казимировича.

Зам. Нач. 5 отдела ГУГБ НКВД СССР

Майор Госуд. Безопасности

/Судоплатов/⁴¹.

Можно убедиться самостоятельно: П. А. Судоплатов предпочёл вести переговоры о польских военнопленных не со “спектройкой”, а с 1-м спецотделом. Но, возможно, он был не в курсе проводившейся “расстрельной операции”? В таком случае, целесообразным будет обращение к документам, написанным людьми, посвящёнными в суть операции. Например, к такому явню относился А. Я. Герцовский.

“№ 930—49-30

Лично.

Служебная записка

Заместителю нач. Управления НКВД СССР

по делам о военнопленных

лейтенанту госбезоп.

т. Хохлову.

Прошу снять с контрольного учета и представить на ближайшее заседание комиссии дела на:

1. Бонк Адели Тадеу, 1897 г. р.

2. Корнеля Романа Михайловича, 1893 г. р.

3. Мажец Томаша Петровича, 1883 г. р.

4. Оссовского Мечислава Антоновича, 1898 г. р.

Зам. Нач. 1-го спецотдела НКВД СССР

капитан госбезопасности

Герцовский⁴².

Получается, что и Герцовский действует по совершенно иному алгоритму: при чём здесь Управление по делам военнопленных? Оно ведь заключение уже написало, далее — составление протокола 1-м спецотделом и передача его в руки всесильной “тройки”. И. И. Хохлов в неё не входил и не должен был с нею соприкоснуться. И потом, разве заместитель начальника Управления по делам военнопленных ставит на контрольный учёт и снимает с него? Похоже, что постановка на контрольный учёт военнопленных действительно зависела от руководства УПВ, поскольку 25 апреля того же года А. Я. Герцовский написал новую записку аналогичного содержания, но с фамилиями других военнопленных, и вновь адресовал её тому же Хохлову⁴³. И вот что примечательно: среди двенадцати имен польских военнопленных, которых служебное письмо лишало защиты, имелась и фамилия А. А. Теодоровича. Если пользоваться схемой рассмотрения дел военнопленных, предлагаемой нам сторонниками нацистской версии, то и он, и все прочие, указанные в списке, были обречены. Причём роковые события должны были свершиться незамедлительно, ибо много ли времени занимает напечатание протокола да собирание подписей? А вот и нет, так как 8 человек военнопленных Осташковского лагеря,

отражённых в служебном письме, этапировали в Калинин почти месяц спустя; приказ на их отправку дал П. К. Сопруненко 19 мая 1940 года⁴⁴. Что же касается выделенного нами А. А. Теодоровича, то он и вовсе был вывезен в Юхновский лагерь да ещё прибыл в него с первой группой из Осташковского лагеря 6 мая 1940 года⁴⁵. Что произошло? Комиссия (сторонники прогерманской версии ставят знак равенства между ней и “спецтройкой”) его оправдала? Но каким образом? Ведь она не работала ни с какими документами, за исключением составленного для неё протокола? И потом, разве у неё имелось право выносить какой-то иной приговор, за исключением расстрельного?

Ситуация вполне проясняется, но нас интересует не только оценка документов из “Закрытого пакета № 1” как исторических источников, но и то, как в реальности происходила “разгрузка спецлагерей”. В таком случае нам стоит внимательно приглядеться к следующему документу:

“Совершенно секретно.

Справка

(о прохождении дел)

1. Лагерьям направлены списки на 13.682 чел.

Из них: а) Козельскому лагерю на 4.252 чел.

б) Старобельскому на 3.750

в) Осташковскому на 5.680

2. В 1-й Спецотделе оставлены дела на 154 чел.

Из них: а) По Козельскому лагерю

б) По Старобельскому лагерю

в) По Осташковскому лагерю

3. До особого распоряжения оставлены дела на 609 чел.

Из них: а) По Козельскому лагерю на 144 чел.

б) По Старобельскому лагерю – 26 чел.

в) По Осташковскому лагерю – 439 чел.

4. На исправление в лагерях дел на 29 чел.

Из них: а) По Осташковскому лагерю на 15 чел.

б) По Старобельскому лагерю – 14 чел.

в) По Козельскому лагерю

5. В Юхновский лагерь направлены 200 чел.

6. В работе 49 чел.

Для доклада имеется дел на 185 чел.

Всего прошло дел на 14.908 чел.

Начальник Управления НКВД СССР

по делам о военнопленных

капитан госбезопасности

(Сопруненко)

3 мая 1940 г.”⁴⁶.

Данная справка имеет целых три родственных ей “Справки о прохождении дел”: две написаны в конце апреля, ещё одна имеет ту же дату, что и разбираемая нами. Трёх справок аналогичного содержания коснёмся чуть позже, а сейчас сделаем первые выводы.

Контрольная цифра, указанная Политбюро ЦК, – 14 700 военнопленных, уже перевыполнена, но за подобное перевыполнение плана не принято хвалить. Мало того, “спецтройка” продолжает, ничуть не смущаясь, собственную деятельность. Постепенно складывается впечатление, что СССР в 1940 году был государством, в котором царила полная анархия, и каждый делал то, что его душе было угодно. В ином случае “Выписка из решения Политбюро” имеет фальшивое происхождение. В пользу такого умозаключения говорит и огромное количество дел (763), решение по которым отсрочено. Каким образом могла произойти задержка, если ни одна из инстанций ничем не занималась, помимо прочтения справок, содержащих крайне скудные сведения, да подписанием протоколов? Причем, задержанные дела разделены на две категории: оставленные 1-м спецотделом и оставленные до особого распоряжения. Подобная градация может иметь лишь одно объяснение: учётные дела военнопленных задерживались разными инстанциями. Одна из них понятна: 1-й спецотдел. А вторая? Чьё должно последовать “особое распоряжение”? Меркулова? Если так, то он явно не ходил всякий раз к Берии или Сталину – 609 дел всё-таки. Но в документах имеется фраза, указывающая лицо, чьё “особое распоряжение” могло привести в движение задержанные дела второй

категории. Читаем отрывок из апрельского предписания начальника УПВ П. К. Сопруненко начальникам Козельского, Старобельского и Осташковско-го лагерей:

“...Военнопленных, указанных в прилагаемом списке, если они будут значиться в списках военнопленных, подлежащих отправке из лагеря – никуда не отправлять без моего особого указания”⁴⁷.

По-видимому, всё становится на свои места: именно Сопруненко или его заместителю Хохлову постоянно и отправляли служебные письма с просьбами либо рассмотреть дела, снятые с контроля 1-м спецотделом, либо, напротив, не рассматривать дела ряда военнопленных. Причём П. К. Сопруненко не имело смысла утаивать истину от начальников лагерей, ибо те должны были находиться в курсе деталей операции.

Не находит подтверждения и версия, утверждающая, будто 1-й спецотдел занимался подготовкой для “тройки” неких протоколов. Обратите внимание, после указания количества дел, находящихся “в работе”, Сопруненко указывает количество дел, готовых для доклада. Нетрудно догадаться, что доклад этот В. Н. Меркулову делали либо начальник УПВ, либо его заместитель Хохлов. Причём доклады носили общий характер. В этом убеждают цифры из справок о прохождении дел конца апреля. В одной из них П. К. Сопруненко предлагает В. Н. Меркулову выслушать доклад “на 888 человек”, а в другой – даже на 1190⁴⁸. Даже если “тройка” потратила бы по одной минуте на каждую из 1190 фамилий, ей бы пришлось потратить на эту процедуру более двух дней. Конечно, можно сказать, что “тройка” лишь подписывала протоколы, но кто тогда решал вопрос о приостановке принятия решений по ряду дел военнопленных? Если же эти решения были прерогативой иных лиц, то занимала ли “спецтройка” главствующее положение в проводившейся операции по разгрузке лагерей военнопленных? И существовала ли “спецтройка” в реальности? Последние сомнения у нас должны улечься после ознакомления с фрагментом из последней “справки о прохождении дел”:

“Отправлено из лагерей 13.678 чел.

Из них: а) Из Козельского лагеря – 4249 ч.

б) Из Старобельского – 3749 ч.

в) Из Осташковского – 5680 ч.”⁴⁹.

Дело в том, что Сопруненко, не моргнув глазом, лжёт В. Н. Меркулову, указывая совершенно не то количество военнопленных, отправленных из лагерей в распоряжение начальников областных УНКВД. В предписаниях на их отправку довольно нередко встречались оплошности: приказ отдавался на вывоз людей, уже покинувших лагерь, находившихся в другом лагере, один и тот же военнопленный мог быть упомянут дважды в предписаниях и т. д. П. К. Сопруненко умалчивает о подобных эксцессах, покрывая допустивших оплошности. Тем самым мы получаем ответ на вопрос: кем готовились предписания на отправку военнопленных. Думается, Сопруненко не стал бы выгораживать чужое ведомство, рискуя собственной карьерой. На самом деле к 3 мая 1940 года из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД вывезли 4235 человек, из Старобельского – 3747, из Осташковского – 5634. Судя по тому факту, что справка не переделывалась, заместитель наркома дезинформацию принял и поверил в неё. Отсюда вопрос: а могло ли такое произойти, если бы Меркулов действительно возглавлял грозную судебную “тройку”? Вероятнее всего, Сопруненко даже и не сделал бы попытки обмануть начальство.

Что же, наступила пора выводов.

1. Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 года приняло решение, касавшееся не только контингента, сосредоточенного в трёх лагерях и тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии; “разгрузка” коснулась и лагерей Наркомата чёрной металлургии. При этом из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей должны были вывозиться абсолютно все категории военнопленных, а не только те, которые были указаны в “записке Берии” и “выписке из протокола заседания Политбюро”. Вероятный мотив, вынудивший Политбюро и НКВД заниматься переброской военнопленных, – подготовка указанных лагерей и тюрем к приёму нового контингента. Никаких действий в отношении тех, кто находился в тюрьмах Москвы, Владимира и прочих городов, не было предпринято ввиду отсутствия там подобной проблемы.

2. Справки на военнопленных составлялись в лагерях потому, что играли роль кратких справочников по их учётным делам. Последнюю графу –

“заключение”, также, вероятнее всего, заполняли в лагерях, поскольку в ней отражалось, каким образом зарекомендовал себя тот или иной персонаж.

3. 1-й спецотдел принимал просьбы различных отделов ГУГБ об их заинтересованности в указанных ими военнопленных, после чего их учётные дела со справками перемещались в спецотдел.

4. Прочие учётные дела рассматривались уже УПВ – управление, в свою очередь, отбирало военнопленных, впоследствии переведённых в Юхновский лагерь. В первую очередь, обращалось внимание на обладателей обширных и полезных связей – именно потому в Юхновском лагере оказалось немало ярых антисоветчиков. Затем наступала очередь лиц, настроенных просоветски, и рядовых вместе с младшим командным составом, не имевших компрометирующих их фактов в учётных делах. Всех прочих передавали в распоряжение руководства УНКВД трёх областей.

5. Роль В. Н. Меркулова сводилась лишь к общему контролю за проводившейся операцией: он регулярно слушал доклады начальника УПВ или его заместителя, получал транспортные сводки о перемещениях эшелонов с вывозившимся контингентом; из Калининской области начальник областного УНКВД докладывал ему о количестве вывезенных военнопленных из самого проблемного лагеря – Осташковского. При этом заместитель наркома не был особо внимателен, иначе разоблачил бы приписки Сопруенко в одной из “справок о прохождении дел”. Никакая “тройка” участь военнопленных не определяла. Отсюда – категорический вывод: все документы из “Закрытого пакета № 1” сфальсифицированы, так как оставшаяся нерассмотренной “записка Шелепина” указывает “судебную тройку”, решения которой стали для польских военнопленных роковыми. Впрочем, “записка Шелепина” заслуживает отдельного разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 9. Л. 318.

² РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 3. Л. 106.

³ Там же. Л. 109.

⁴ Там же. Л. 105.

⁵ Там же. Л. 110.

⁶ Там же. Л. 119.

⁷ Там же. Оп. 2е. Д. 8. Л. 204.

⁸ Там же. Д. 11. Л. 237.

⁹ Там же. Л. 263.

¹⁰ Там же. Оп. 1е. Д. 7. Л. 182.

¹¹ Там же. Оп. 01е. Д. 3. Л. 111.

¹² Там же. Л. 43, 85.

¹³ Там же. Л. 109.

¹⁴ Там же. Л. 83.

¹⁵ Там же. Оп. 2е. Д. 10. Л. 160.

¹⁶ Там же. Оп. 1е. Д. 7. Л. 141.

¹⁷ Там же. Оп. 2е. Д. 11. Л. 270.

¹⁸ Там же. Д. 10. Л. 168.

¹⁹ Там же. Д. 9. Л. 305.

²⁰ Там же. Л. 321, 331, 338.

²¹ Там же. Л. 339.

²² Там же. Оп. 1е. Д. 10. Л. 509.

²³ Там же. Л. 513.

²⁴ Там же. Оп. 2е. Д. 11. Л. 371.

²⁵ Там же. Д. 9. Л. 349.

²⁶ Там же. Д. 11. Л. 415.

²⁷ Там же. Л. 416.

²⁸ Там же. Л. 417.

²⁹ Там же. Л. 340.

- ³⁰ Там же. Оп. 1е. Д. 10. Л. 539-539 (об).
- ³¹ Там же. Л. 416, 417, 423, 466.
- ³² Там же. Д. 7. Л. 182.
- ³³ Там же. Л. 180.
- ³⁴ Там же. Л. 82.
- ³⁵ Там же. Оп. 2е. Д. 10. Л. 219.
- ³⁶ Там же. Оп. 4е. Д. 13. Л. 133.
- ³⁷ Там же. Оп. 1е. Д. 10. Л. 465.
- ³⁸ Там же. Оп. 3е. Д. 3. Л. 248.
- ³⁹ Там же. Оп. 2е. Д. 14. Л. 251.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 694. Л. 2, 21.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 62.
- ⁴² Там же. Л. 96.
- ⁴³ Там же. Л. 129-130.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 3е. Д. 3. Л. 361.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 2е. Д. 14. Л. 218.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 01е. Д. 3. Л. 173.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 4е. Д. 13. Л. 57.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 01е. Д. 3. Л. 164, 207.
- ⁴⁹ Там же. Л. 174.